

Тимофей КУЛЯБИН: «Мне важно быстро забить гол»

КРУПНЫЙ ПЛАН

– Тимофей, однажды вы признались, что в юности мечтали о спортивной карьере, а ваши родители грезили о дипломатическом поприще для вас. Что помешало сбыться вашей мечте и чем питались столь честолюбивые планы ваших родителей?

– У нас в роду не было ни спортсменов, ни дипломатов, если вы на это намекаете. Самой выдающейся личностью был мой дед – самый молодой председатель колхоза в бывшем Союзе. Что касается видов на моё будущее отца и мамы, то они хотели, чтобы я занимался в жизни чем-то серьёзным, приносящим не только большие деньги, но и пользу обществу. Спортивные мечты разрушила моя собственная лень: необходимо было как минимум встать с дивана и записаться в спортивную секцию. Я этого не сделал, потому что к тому времени уже заболел театром. Мне было лет тринадцать, когда я подошёл к отцу и объявил: «Папа, я буду режиссёром!», на что он мне ответил: «Хорошо, только маме об этом не говори». Мама действительно этого очень не хотела, отец же отнёсся спокойно, потому что сам – человек театра: начинал актёром, а сейчас он – директор театра «Красный факел» в Новосибирске.

– Когда в тринадцать лет заходит речь о театре, то, как правило, все хотят стать актёрами. Как вам удалось этого избежать?

– Легко, потому что я никогда не хотел быть актёром. Я вам больше скажу: я вообще не понимаю, как можно быть актёром – выходить на сцену, смотреть в зал, полный зрителей, которые чего-то от тебя ждут, что-то говорить, делать...

– Как же вы общаетесь с актёрами, не понимая сущности этой профессии?

– Мне непонятен механизм актёрской профессии изнутри, зато мне со стороны, из зала, прекрасно видно что и как нужно сделать на сцене.

чтобы на это было интересно смотреть.

– Вы работаете с отцом, Александром Кулябиным, в одном театре: он – директор, вы – режиссёр-постановщик. Как вам такой тандем? Вмешивается ли директор на «родственных правах» в ваше творчество?

– Мне с ним очень комфортно работать по двум причинам: во-первых, он никогда не вмешивается ни в одну постановку, кто бы ни был режиссёром, справедливо полагая, что каждый должен заниматься своим делом. А, во-вторых, у нас с ним совпадают представления о том, каким должен быть театр – и современный театр вообще, и конкретный театр, в котором мы с ним оба работаем, в частности.

– И каким же должен быть этот театр?

– Я исхожу из данности. Сегодня мы, сами того не желая, поглощаем колоссальное количество информации. Ритм жизни ускорился, скорость восприятия увеличилась, с этим надо считаться. Я не допускаю ни одной секунды, чтобы на сцене ничего не происходило, нужен непрерывный экшн. Я думаю, что моя жажда стремительного действия объясняется моей молодостью, наверное, чуть позже, когда мне это надоест, я захочу медленного и подробного движения, чем славится русский психологический театр. А пока в силу моего возраста мне очень хочется быстро забить гол. Не чемпионат выиграть, нет, а просто забить гол... И потом, я считаю, что театр должен существовать только для зрителя, он и жив только до тех пор, пока раскупаются все билеты, но эта сверхзадача «главное – зритель» не снимает с тебя ни творческих, ни художественных задач.

– Насколько вы зависимы от чужого мнения, от критических статей? Отслеживаете ли вы вообще рецензии на свои спектакли?

– Читать я их, конечно, читаю, но целенаправленно га-

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

зету «вот здесь должно быть про меня написано...» никогда не ищу. Что касается влияния, то ни в одной критической статье я ещё не прочёл того, чего бы сам про себя не знал. Театральная критика – очень сложное и тонкое искусство, но зачастую она сводится не к оценке спектакля, а к демонстрации собственной эрудиции. К этому вообще серьёзно относиться, на мой взгляд, нельзя, не говоря о каком-либо влиянии. Главным критерием оценки спектакля для меня является реакция зрителя.

– Все ли поставленные вами спектакли зритель принял?

– Пожалуй, что все.

– Тимофей, вы постоянно обращаетесь к классике. Почему?

– В этом нет ничего удивительного. Мы все учились, воспитывались на классике. Это такие проверенные веками, не подвергающиеся сомнениям в смысловой и стилистической целостности тексты, что им просто нечего противопоставить в современной драматургии.

– И тем не менее, работая над «Макбетом», в своём сценарии вы скопелировали семь переводов, включая собственный. К чему такие трудности?

– Если существует семь переводов, все их надо изучить, что я и сделал. А когда

прочёл, то понял, что в каждом из них есть свои плюсы и минусы. Тогда я решил совместить все положительные моменты и избежать всех недостатков. Я всегда плотно работаю с текстом, и нет ни одного материала, который бы я нечаянно не порезал на куски. Не всегда это хорошо, многое уходит с этими купюрами, но сейчас я дорожу каждой секундой сценического времени: мне важно постоянно удерживать внимание зрителя в напряжении. А как иначе? Зритель должен следить за сюжетом спектакля даже в том случае, если он знает, что произойдёт, ещё со школьной скамьи. Значит, я должен предложить ему неожиданный маршрут к заведомо знакомому финалу.

– В профессии вы режиссёр-диктатор или демократ?

– Всё зависит от актёра. Есть такие, кого нужно жёстко направлять – встал сюда, пошёл туда, иначе никогда не добьёшься того, чего тебе нужно. Но я люблю сочинять спектакли вместе с актёрами, я – за сотворчество. Но это должен быть процесс обоюдный. А то может получиться и так, что я с ним спектакль сочиняю, а он со мной – нет. Хотя чаще всего я доверяю актёру.

– С труппой Волковского театра у вас сложилась атмосфера совместного творчества?

– Более чем.

– А как вообще возник ваш альянс с Ярославлем?

– Когда Борис Мездрич был ещё директором Новосибирского театра оперы и балета, он уже тогда предложил мне сотрудничество, и контракт на постановку «Князя Игоря» я подписывал с ним. А когда мы приступили к работе, Борис Михайлович уже уехал в Ярославль, но при первой возможности напомнил мне о моём обещании вместе поработать.

– Как вы, театральный режиссёр, взялись за постановку оперы?

– Мне было интересно только изменить свою психологию: это был совсем другой жанр, другое искусство, и

смысл состоял в том, чтобы попасть со своими драматическими представлениями о театре в музыку. Где-то это удалось. Но работать было очень трудно, подчас складывалась ощущение, что мы говорим с солистами просто на разных языках.

– Договориться всё-таки удалось, раз ваша постановка номинируется на «Золотую маску». А как вы относитесь к такому «жанру», как антреприза?

– Есть Пушкин, а есть Маринина. От того, что я не читаю последнюю, я же не стану сжигать её книги... Каждому – своё. Что касается моей профессиональной позиции, то мне кажется, что антреприза – это в первую очередь нечестно: не понимаю, как можно поставить спектакль за две недели и рассчитывать на его успех, только опираясь на раскрученные фамилии актёров? Хотя, с другой стороны, я понимаю, что в репертуарном театре состояние не скотишь, вот люди и ищут дополнительные возможности заработка. Но это не моё.

– Насколько вы востребованы? Стоят ли директора театров в очередь, чтобы пригласить вас к себе на постановки?

– Очереди нет, хотя предложения есть всегда. Однако я редко ставлю в других городах по той простой причине, что, согласно контракту, должен поставить в своём театре два спектакля в течение сезона. Работаю я медленно, вот и получается, что всё время задействован в родном театре.

– Есть ли у вас своя команда, с которой вы предпочитаете работать?

– Да, и она вся работает со мной на постановке спектакля «Кармен».

– До премьеры остаются считанные часы... Как, на ваш взгляд, спектакль получился таким, каким вы его задумывали?

– Ещё ничего не получилось. Ответ можно будет дать тогда, когда спектакль увидит зритель. Пока же я доволен движением к цели.

Лариса ДРАЧ